

Теодор уже начал забывать о сочувствии по отношению к Рику и полумёртвому Томасу. Теодор также был человеком, наполненным интересом.

Но Венио не давал ему ни шанса. По отношению к Теодору Венио был хладнокровным господином.

Пока Теодор дулся, жалея бедного себя, раздался голос его молодого господина:

— Она моя невеста.

— Как и ожидалось!

Теодор был живым примером самого простодушного человека — его лицо тут же озарилось.

Видя реакцию Теодора, Гидеон пробормотал что-то о том, что Тео был юной душой во взрослом теле. Теодор же просто проигнорировал его.

— Но как это случилось?

— Как? Теодор, разве не ты был ответственен за расследование? Неужели ты и вправду не догадываешься?

Теодор тут же закрыл свой рот. Он припомнил: если её семейную информацию не получилось отыскать при поверхностном расследовании, значит этому есть только одно объяснение — она внебрачный ребёнок.

Это было очередной прекрасной возможностью, чтобы упрекнуть Теодора за его некомпетентность. Однако на удивление, Венио просто тихо смотрел на бледную девушку, лежащую на кровати, не сводя с неё глаз.

Спустя время он мягко произнёс:

— Это случалось сегодня уже несколько раз. Кажется, она постоянно принимала какое-то лекарство. Но я понятия не имею, есть ли у неё какие-либо серьёзные заболевания или нет.

Шестерёнки в голове Теодора начали быстро крутиться. Кажется, Венио использовал свой источник информации, но даже так, он не смог узнать о её заболеваниях.

Немного подумав об этом, Теодор что-то осознал и вздохнул:

— Это означает...

Лицо Венио ужасно искривилось.

— Это означает, что её никогда нормально не осматривал врач.

«У неё никогда не было возможности встретиться с доктором или врач был не способен поставить ей диагноз».

Она жила в месте, где даже здоровый человек заболевает, поэтому не было ничего странного в том, что у неё были недуги. Более того, она принимала лекарство.

Должно быть, это было болеутоляющее или что-то наподобие. Но какова была вероятность, что это было нормальное лекарство? Было бесчисленное множество домов, где происходило подобное, и ни один из этих домов не был благочестивым.

«Это уже слишком», — Венио не мог сдержать своей злости на семью Лайлы.

Гидеон взглянул на сжатые кулаки Венио. На секунду скучающее лицо первосвященника озарилось интересом.

«Никогда не видел его таким».

Гидеон встал, думая о том, что разворачивающиеся события стоят того, чтобы ещё немного понаблюдать. Он саркастично бросил:

— Это также означает, что когда Рик вернётся, она встретится с доктором впервые. Что ж, замечательно. Я пойду вздремну. Спокойной ночи, ваше превосходительство.

Венио молча кивнул.

Уголки губ Гидеона слегка приподнялись, когда он направился к двери. Он не забыл тихонько хмыкнуть, проходя мимо Теодора, сфокусированного на рассматривании Лайлы со странным выражением лица.

Так как Теодор был в подчинении герцога, он не мог закричать, он просто склонил голову, трясаясь от раздражения. Гидеон удовлетворённо закивал.

Вскоре после этого дверь соседней комнаты открылась и вновь захлопнулась.

Выражение Гидеона сильно изменилось.

«Лайла Эстеван».

Его лицо преобразилось в лицо образцового первосвященника, проникновенного и пронизательного, способного видеть насквозь.

Лёжа на кровати, он улыбался. И словно напевая, пробормотал:

— Ушедшая душа, добро пожаловать обратно.

Венио всю ночь оставался рядом с Лайлой, Теодор же, задав несколько вопросов, уснул в углу комнаты.

Впервые в жизни Лайла крепко спала в уютной кровати.

День, когда Лайла Эстеван прибыла в резиденцию великого герцога, закончился мирно.

Серебряный иногда содержит серый. Тем не менее в её мире серебряный и серый были двумя разными цветами.

Словно свет, который она может увидеть, но которого не может достичь.

— Его превосходительство сказал, что ты его близкий друг.

У него был такой цвет. Человек с аккуратно сочетающимися чёрно-серебристыми волосами и с ослепительно голубыми глазами. Герцог Эстеван никогда не забывал бросить на неё взгляд.

— Ты и вправду выглядишь прямо как твоя мать.

Лайла всегда жила в страхе, однако никогда не теряла надежды. Она не хотела быть сильно счастливой, какой она была, когда видела своих братьев, она знала, что для неё было невозможно получить и частички тепла своего отца.

Говорили, что любви противопоставлена не ненависть, а безразличие. Лайла не могла согласиться.

— Таким беспечным людям должно быть стыдно за своё существование, за то, что они дышат.

Насколько она знала, ненависть была самой далёкой от любви. Глаза Герцога Эстеван могли разбить её сердце.

— Пустая трата моего дыхания. Просто исчезни.

Лайла громко кричала, что ей жаль, извинялась, говоря, что она не имела это в виду. Она не хотела этого, она больше не хотела ничего портить.

<http://tl.rulate.ru/book/66735/2392488>